

18+

Кан
Джиён

ГОСПОЖА СИМ- КИЛЛЕР

От автора
международного
хита «Магазин
для киллеров»

Кан Джиён
Госпожа Сим – киллер
Серия «Азбука-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74476786

Госпожа Сим – киллер: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34688-8

Аннотация

Впервые на русском – международный бестселлер, переведенный на двадцать языков и проданный в одной только Корее тиражом более двухсот тысяч экземпляров!

Сим Ёнок пятьдесят один год. Она вдова и мать двоих детей. После увольнения из мясной лавки она теряет единственный источник доходов, а вместе с ним – возможность расплатиться с долгами. Работодатели не спешат нанимать немолодую женщину без образования, поэтому Сим Ёнок, особо не раздумывая, откликается на странное объявление о вакансии с подозрительно высокой зарплатой. Требование всего одно – быть домохозяйкой старше сорока.

На собеседовании Сим Ёнок получает шокирующее, но очень заманчивое предложение – стать киллером. Оказывается, на рынке наемных убийц высоко ценятся две вещи: идеальные навыки владения ножом и неприметная внешность. Обладая и тем и другим, Ёнок быстро превращается в незаменимого

сотрудника. Но стоит черной полосе смениться белой, как выясняется, что сын Ынок тоже подался в киллеры, и не абы куда, а к злейшим конкурентам. Теперь Ынок придется объявить войну элите криминального мира, пока та не отправила ее сына на первое – и, очевидно, последнее задание. И горе тому, кто встанет у нее на пути.

Содержание

Сим Ынок	6
Пак Тхэсан	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кан Джиён

Госпожа Сим – киллер

Kang Jiyoung

MRS SHIM IS A KILLER

Copyright © Kang Jiyoung, 2022

This translated edition is published by arrangement with
Neobooks Publishing

c/o Shinwon Agency Co., Ltd. through Peters, Fraser and
Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Н. А. Белова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-
КА», 2026

Издательство Азбука®

Сим Ынок

Затачиваю нож. Когда кладешь его на электрическую точилку и нажимаешь кнопку, из резервуара течет вода, смачивая тупое лезвие. Камень крутится, выбивая искры, похожие на перхоть. Под светодиодными лампами тонкая отточенная кромка отливает голубоватым цветом, как чешуя рыбы-сабли.

Плоть прочнее ножа. Даже шеф-нож для наинежнейшей вырезки через несколько дней затупится и при разделке мяса будет причинять сильную боль в запястье. Острый кусок металла, отделяющий мышцы от сухожилий, разговаривает со мной. «Я хочу отдохнуть», – заявляет он. Но до отдыха еще далеко. Это обвалочный нож господина Лима из района Мачжандон, тридцать два года вспарывавший брюхо мертвым животным. Сейчас его лезвие достигает в длину всего две трети пальца, поэтому на первый взгляд нож напоминает шило. Господин Лим не выбросил его, хотя тот раз восемь протыкал ему бедро, а однажды перерезал артерию и оставил на внутренней стороне бедра глубокий змееобразный шрам. Каждое утро господин Лим торжественно, словно

рыцарь, готовый расквитаться с врагом, доставал свой обвалочный нож. Износившись окончательно, нож стал неотличим от лезвия бритвы, и только тогда этот враг, проткнувший бедро господина Лима, оказался в урне для переработки мусора. А до тех пор обвалочный нож не мог сбежать из ада, пропитанного запахом животного жира.

Наточив нож, я стала ждать, когда хозяйка явится на работу. Она все не показывалась, хотя супермаркет уже открылся и по нему бродили, толкая перед собой тележки, покупатели с зажатыми в руках рекламными флаерами. Вчера в ювелирном магазине на втором этаже хозяйка продала свою цепочку из чистого золота весом семьдесят пять граммов. Понятно для чего: разумеется, чтобы пойти в подпольное казино «Дом кукушки». Хозяйка несколько раз звонила мне с просьбой принести денег, чтобы отыгаться, – так я и узнала об этом месте. В «Доме кукушки» всегда стоял табачный дым и кислый запах свинины тхансуюк – жаренную на прогорклom масле, хозяйка жевала ее и резалась в карточную игру хватху. К ее потным бедрам прилипали купюры по тысяче вон.

– Ынок, ты что, не слышала? Хозяйку мясного вчера увели в наручниках. – Это сказала главная по отделу выпечки. Она иногда посещала «Дом кукушки» вместе с моей начальницей. – Говорят, ей как раз вчера улыбнулась удача, но вдруг нагрянула полиция. Вроде она должна закрыть свою лавку сегодня. Что же ты теперь будешь делать?

Моя хозяйка не раз, якобы вняв уговорам мужа, притворялась, будто бросила азартные игры, однако стоило тому ослабить хватку, как она сразу куда-то исчезала, прежде обменявшись парой сообщений в «КакаоТоке» с подругой из отдела выпечки. Возвращалась она, насквозь пропитанная запахами табака и свинины в кисло-сладком соусе. Выходит, даже хозяйка пекарни благополучно пережила вчерашнюю облаву. Чего не скажешь обо мне.

– И правда. Что же я теперь буду делать?

Лавка закрывается, значит отныне я безработная. Я сняла фартук, обмотала цепью ручки морозильной камеры и повесила замок. Упаковала три своих ножа в газету и положила их в нейлоновую сумку для покупок. Вчера был день зарплаты. Оставалось радоваться хотя бы этому. Я открыла кассу и взяла деньги на проезд до работы и обратно за сегодня. Я не любила тратиться зазря. Выдвинула ящик под кассовым аппаратом и положила туда записку: «Взяла за проезд две тысячи вон. Надеюсь, вы скоро выберетесь и мы сможем встретиться под лунный Новый год. Сим Ёнок».

Меня зовут Сим Ёнок. В этом году мне исполнился пятьдесят один. Вдова. Безработная. И к тому же мать.

Мой сын Чинсоп готовится к возвращению в университет после службы в армии, а дочь Чина, надежная как скала, радуется успехами в учебе. Муж пять лет назад наложил на себя руки. В тридцать четыре у него диагностировали диабет, но даже под страхом смерти он не соглашался перейти на бу-

рый рис – так сильно его ненавидел. Поначалу муж принимал таблетки, но к пятидесяти трем, незадолго до своей смерти, уже колол большие дозы инсулина. Состояние ухудшалось: ему ампутировали один за другим оба мизинца на ногах, а из-за диабетической ретинопатии наступила слепота. Удивительно, но слепоту муж скрывал от нас почти год. Должно быть, трудно жить, полагаясь только на воспоминания об окружающем мире, но он вел себя ровно так же, как когда был зрячим. Затем однажды внезапно выехал на проспект, врезался в недавно открывшуюся пивнушку – и погиб. Установить достоверно, действительно ли он сел за руль, чтобы покончить с собой, не было никакой возможности. Полиция настаивала на версии самоубийства, и нам, не получившим по страховке ни воны, пришлось продать мясную лавку, чтобы расплатиться с пивной за причиненный ущерб.

Когда погиб отец, сын учился в средней школе. Сразу же после поступления в университет Чинсоп ушел в армию; дочь же с тех пор словно помешалась на учебе – иначе и не скажешь. Она целыми днями что-то решала, складывала, вычитала – и так по кругу. С детских губ без конца слетали заучиваемые английские слова, а песню «Сто великих корейцев» дочь изменила так, чтобы запомнить хронологию национальной истории. Я устроилась в отдел планирования одной страховой фирмы, но денег от этого не прибавилось. Опереться было не на кого, положение нашей семьи не улучшалось. Помыкавшись туда-сюда, как ячменное зернышко,

я нашла работу в супермаркете, в мясной лавке.

Я расправила взятые из кассы две тысячи вон и положила их в кошелек. Раз уж теперь безработная, придется прогуляться пешком. Прикрывая глаза рукой от палящего солнца, я прошла мимо автобусной остановки и прихватила выпуск газеты «На каждый день», чтобы посмотреть объявления о работе. Похоже, здесь уже проехал сборщик макулатуры, потому что в лотке лежал всего один номер. Вероятно, между газетчиком и сборщиком существовало негласное соглашение всегда оставлять как минимум один экземпляр. Для ищущих работу вроде меня. И для того, чтобы эти двое могли поддерживать свой симбиоз, ни разу не встретившись.

Возвращаться домой не хотелось. Меня пугали счета и уведомления, забившие почтовый ящик. Я прогнала дремавшего голубя, села на скамейку и, надев очки, раскрыла газету. В разделе вакансий было полно объявлений. Работница зала, кухарка; *ищу человека, который поможет с бизнесом, как отец родной, – Бора*; набор сотрудников по выдаче кредитов; набор сотрудников телемаркетинга... Для обслуживания зала зачастую предпочитают корейцев из Китая, дешевую рабочую силу, обычно моложе самих владельцев. Можно было бы податься в кухарки, но слишком уж далеко добираться до работы. Позвонить девушке по имени Бора и спросить, не нужна ли ей помощь старшей сестры вместо отца, у меня не хватило смелости. Не знаю, чем должны заниматься сотрудники кредитной организации или специалисты

по телемаркетингу, но ни там ни там я не проходила по возрасту: требовались люди моложе пятидесяти лет.

Ищем домохозяйку 40+. Гарантированная оплата 3 млн/мес. Надбавка 500 % за конфиденциальность. «Смайл».

Подозрительно, что кто-то собирается платить домохозяйкам за сорок такую крупную сумму, но мое внимание привлекло слово «Смайл» в самом конце. Так называл меня господин Лим из Мачжандона, когда я только училась искусству владения ножом, потому что я всегда улыбалась. Даже когда ошибалась, или случайно резала руку, или в одиночку разделявала шестисоткилограммовую говяжью тушу. Кажется, мне в принципе свойственно улыбаться, когда надо бы плакать.

Я вытащила телефон. Звонки заблокировали за неуплату, так что он служил мне скорее часами. Двенадцать пятнадцать. Близился обед. Пересчитав монеты в кармане, я зашла в телефонную будку. Внимательно набрала восемь цифр номера и стала ждать соединения. Прозвучало пять гудков, но трубку никто не поднимал. И только я собралась завершить звонок, как раздался жизнерадостный, молодой мужской голос:

- «Смайл» слушает.
- Я звоню по объявлению о наборе персонала. Нужно подготовить какие-нибудь документы?
- Директор, тут по поводу нашего объявления. Сказать,

чтобы просто приходили? – услышала я едва различимый крик, – видимо, парень зажал трубку рукой. Затем он обратился ко мне: – Приходите безо всяких документов. На перекрестке с деревьями гинкго сверните в сторону полицейского участка. Вы увидите серое пятиэтажное здание. Мы на третьем этаже. Офис триста один.

Прежде чем я успела ответить, парень прервал разговор. Судя по звукам, к нему в офис кто-то зашел; он поздоровался, и на этом разговор оборвался. Тот самый перекресток с деревьями гинкго находился всего в двадцати минутах от дома. Идеальное расположение – вместо зарядки можно будет ходить на работу пешком. Я не была уверена, стоит ли являться на собеседование прямо в таком виде, поэтому остановилась у витрины магазина женской одежды. Оттуда на меня смотрела деревенская мужланка, только что приехавшая в город из своей глуши. Зеленая блузка с расходящимися швами, легкие трикотажные штаны, сумка для покупок с названием супермаркета и удивительно кудрявая шевелюра – после химзавивки не прошло и недели. Это никуда не годилось. Я попыталась разгладить пальцами волосы на макушке, где они завивались особенно сильно, и зашла в магазин канцелярских товаров неподалеку. Пусть мне и разрешили прийти просто так, но не принести с собой хотя бы резюме, было бы невежливо. Купив за триста вон бланк для резюме и конверт, я уселась под солнцезащитным зонтом, установленным перед входом. Резюме я заполняла позаимствованной в

магазине шариковой ручкой.

Образование: средняя школа Йебон.

Это все, что я могла здесь написать.

Опыт работы: 2002–2013 гг., управляла мясной лавкой.

С разделом «Опыт работы» тоже покончено.

Я подумала было дополнить, но засомневалась, что халтуры по полдня в разных магазинах сойдут за опыт работы. В итоге мое резюме ограничилось двумя строчками. Даже захотелось заполнить капиллярной ручкой образовавшиеся пустоты цветами орхидеи или бамбуком, как в школьные годы, но, испугавшись, что меня примут за впавшую в старческий маразм, я отказалась от этой затеи.

Я купила в супермаркете кекс и молоко и перекусила, пока брела по улице. С утолением голода росла непонятно откуда взявшаяся уверенность в себе. «Что может быть труднее, чем вспарывать брюхо животным?» – подумала я и вздернула подбородок. При каждом шаге ножи в сумке клацали, ударяясь друг о друга. Я переживала, что этот звук вызовет подозрения у прохожих, но люди проходили мимо с равнодушным лицом, какое бывает, когда стоишь в очереди к банкомату. Я крепко ухватила за ручки сумки и решила больше ничего не бояться. Я взрослая женщина, а не наивная девочка или молодуха, выискивающая свой шанс, и уж тем более не забытая всеми старуха. Кроме меня, мне никто не помо-

жет.

Примерно в час дня я стояла перед серым пятиэтажным зданием. Пожилой охранник клевал носом на посту, потом заметил меня и поприветствовал, отдав честь. Хотя мы раньше не встречались, он посмотрел на меня ласково и заговорщицки улыбнулся. Хорошо, конечно, что не прогнал меня, приняв за разносчицу рекламы, но вдруг этот старик тоже из тех, кто улыбается, когда впору плакать?

Зайдя в лифт, я обнаружила, что кнопки второго и третьего этажей не работают. Оставалось нажать кнопку четвертого и ждать. Посмотрев в зеркало позади себя, я увидела белесые, как после псориаза, пятна вокруг рта. Послюнявив палец, я тщательно стерла их.

Здание было неухоженное и узкое, на каждом этаже друг напротив друга размещались всего два офиса. Лестницу покрывали следы от жвачки и высохших плевков, а по углам, словно маленькие стога сена, лежали окурки и пыль. Стараясь не испачкаться, я спускалась, будто выполняла акробатический этюд. На третьем этаже, прямо напротив лестницы, располагался офис триста один.

«Детективное агентство „Смайл“». Детективное агентство – это не то ли место, где по запросу клиентов проворачивают разные странные делишки? Судя по фильмам и сериалам, такие агентства ищут компромат или при помощи грубой физической силы толкают людей на противоправные поступки. Я подумала, что напрасно потратила триста вон и попусту

перетрудила свои и так уже больные колени. Какой смысл подобному агентству нанимать женщину вроде меня?

Я повернулась и уже ступила на лестницу, но тут дверь офиса распахнулась, и мне в спину донеслось:

– Э, женщина, с завтрашнего дня добавьте еще йогурт и баночку пробиотика «Виль», пожалуйста.

Видимо, это был тот самый парень, с которым я говорила по телефону, и теперь он протягивал мне пустую тарелку из-под острого супа шампон, доставленного сюда ранее.

– А-а-а... Я вам недавно звонила. По поводу объявления о работе.

Зачем я это сказала? Ведь могла сделать вид, что ничего не услышала, и уйти. Совсем не обязательно было прояснять, что я не курьер.

– О, так это вы звонили? Заходите!

Парень, смутившись, слегка поклонился мне. Вокруг его поджатых губ размазались оранжевые пятна от только что съеденного супа. Следуя приглашению, я зашла в офис. Здесь не было ни вентиляции, поэтому душный воздух пропах едой, ни штор. Окна затонировали черной пленкой. Я заметила четыре письменных стола и кожаный диван.

– Директор отошел почистить зубы. Хотите кофе?

Я кивнула, и молодой человек указал мне на диван, а сам куда-то исчез. Совсем не так я представляла себе детективное агентство. Я ожидала увидеть грузных мужчин, играющих в хватху или попивающих алкоголь среди бела дня. По-

мещение же представляло собой обычный, но грязный офис с компьютером на каждом столе, заваленном бумагами и папками с документами. Этот коротко стриженный парень с приятным голосом тоже совсем не походил на бандита. Я спрятала сумку за спину и с детским интересом начала изучать офис. Из коридора слышался звук приближающихся шагов. Вскоре дверь открылась, и вошел невысокий мужчина средних лет в брюках и пиджаке светлых тонов. Из-за тучного тела и круглого лица он производил впечатление добряка, но глаза за стеклами очков глядели холодно.

– Директор, это к нам на собеседование.

Парень обошел мужчину и поставил передо мной поднос с двумя кружками кофе, толстыми стеклянными кружками, а не одноразовыми бумажными стаканчиками. Мужчина промокнул губы носовым платком и поспешил к дивану, на котором сидела я. Затем взял одну из кружек, и я заметила, что его руки куда изящнее моих. Возможно, вопреки моим предрассудкам, в детективных агентствах вовсе не творятся ужасные вещи.

– Рад познакомиться. Меня зовут Пак Тхэсан. – Мужчина протянул мне руку.

Я не могла проигнорировать его белую узкую ладонь и неуверенно сжала ее.

– Сим Ёнок.

Пак Тхэсан моргнул и уставился в мое резюме. У директора были тяжелые веки и глубоко посаженные глаза. Прошла

минута. Потом еще одна. Слишком долго он рассматривал текст из двух строк. Я беспокойно гадала, не собирается ли он отчитать меня за бумажку, бессовестно выданную мной за резюме.

– Так вы держали мясную лавку? – Пак Тхэсан отложил резюме на журнальный столик.

Не знаю почему, но вместо ответа я только натянуто улыбнулась. В круглом зеркале позади директора агентства отразилось мое простоватое лицо. Я оробела: темные пятнышки на щеках, рассыпанные, как кунжутные семечки, выдавали мою отчаянную бедность и бесхитростность.

– Стало быть, вы хорошо управляетесь, скажем, с ножом?

Я кивнула. Вероятно, не так хорошо, как господин Лим из Мачжандона, но уж отделить вырезку, разделать мясо, нарезать его на стейки или тончайшие слайсы могу. Это уж точно.

– Чунги, у нас же остался пластиковый нож, которым мы разрезали торт? Не принесешь его?

Значит, парня звали Чунги. Он покопался в ящике под раковиной, установленной в углу, достал белый пластиковый нож для хлеба и отдал его директору, а тот – мне:

– Представьте, что вы втыкаете нож между ребер коровы. Жалко, конечно, что у нас нет настоящего ножа...

– А, ну, у меня, вообще-то, есть с собой парочка.

Какое отношение нож имеет к устройству на работу, я не понимала, но все же достала из-за спины сумку и вытащила из нее шеф-нож. Представив, что передо мной разделоч-

ная доска, на которой лежит вызревшая красная говядина, я слегка наклонила лезвие ножа и рассекла воздух, как будто отделила одно из ребер.

– Приподнимите кончик ножа. Нет, лучше поднимите руки чуть выше. Вот так, да. Правильно!

Нож полностью поглотил внимание Пак Тхэсана. Я закрыла глаза. В густой темноте осторожно сняла шкуру с туши огромного черного животного. Показалась розоватая плоть, и носа достиг тошнотворный запах крови. Вскоре он исчез. Лезвие отсекало лоскут мяса и снова вонзалось в тушу. Ритмичные движения ножом заворачивали. На меня снизошла странная радость оттого, что нашлась публика, готовая восхищаться работой, которую я всегда выполняла в одиночестве.

– Достаточно. Присядьте, пожалуйста.

Голос Пак Тхэсана вынудил меня открыть глаза. Я вновь оказалась в незнакомом офисе. Немного липкий от пота нож убрала в сумку. Теперь мне стало неловко за устроенное представление.

– Спасибо, что выполнили мою просьбу, хотя мы едва знакомы.

Пак Тхэсан покраснел. Он пояснил, что изначально по объявлению, на которое я откликнулась, они искали сотрудницу для сбора информации. Приходили несколько претенденток, но все они оказались глуповатыми домохозяйками, движимыми не желанием раскрыть чужие тайны, а жадой

заработать денег, чтобы покрыть расходы на свои интрижки.

– Скажу прямо: я предлагаю вам стать киллером. У каждого найдется хоть один человек, которого он ненавидит так, что готов убить, вы согласны? Решайтесь, и вы сможете исполнить самые сокровенные желания несправедливо обиженных.

К моему удивлению, Пак Тхэсан сказал, что я подхожу идеально: непримечательная внешность, превосходное владение ножом, неблагополучные семейные обстоятельства этому способствовали. Когда с его губ сорвалось чужеродное «киллер», вернулось давно не беспокоившее меня недержание мочи, нижнее белье насквозь промокло. Ноги дрожали, я засомневалась, что смогу встать. Киллер, говорите? Не верилось, что такая профессия вообще есть.

– Я притворюсь, будто ничего не слышала. Я умею хранить секреты, так что вам не о чем волноваться. Правда-правда, я совсем не из болтливых!

Трясущейся рукой я схватила свою сумку. Боялась, что если задержусь хоть на секунду, то стану следующей жертвой этих людей, чьей работой было убивать. А мне еще двоих детей на ноги поднимать. Надо было бежать! А затем запереться дома, выключить свет, зашторить окна, лечь на пол и не дышать. Я узнала их тайну, им нет смысла оставлять меня в живых. По крайней мере, в фильмах всегда происходит именно так. Обычный скучный офис теперь странным образом казался мне бандитским притоном.

– Госпожа Сим! – окликнул меня Пак Тхэсан, когда я под-
нялась.

Мне не нравилось обращение «госпожа». Так меня часто называли проверяющие из головного офиса супермаркета. «Госпожа Сим, сколько раз я вам говорила – не разливайте воду по полу!», «Госпожа Сим, вы можете пользоваться туалетом исключительно во время обеденного перерыва!» В моем мире обращение «госпожа» звучало даже хуже, чем «эй, женщина!».

– Повторюсь: мы приглашаем вас на работу. Нам нужны новые лица.

Ноги прилипли к полу. Не знаю, слезы или пот, но капля звонко упала на мою туфлю и разлетелась брызгами. Пак Тхэсан произносил «госпожа» иначе, нежели менеджеры супермаркета. Обернувшись, я увидела, что он вынул из сейфа слиток золота и протянул его мне. Вот уж чего я не ожидала встретить в этом маленьком офисе, так это сейфа с драгоценностями! Впрочем, стоит ли удивляться слиткам золота, если в том мире существуют киллеры?

– В пересчете на наличные получится чуть меньше семидесяти миллионов вон. И здесь еще два таких. Если вы, госпожа Сим, хорошо справитесь со своей задачей, один из них будет вашим.

Семьдесят миллионов корейских вон. Такую сумму я бы скопила, работая три года подряд без выходных по десять часов в день и при этом не тратя ни гроша. С такими деньжи-

щами можно больше не волноваться, как оплачивать аренду жилья в конце месяца, потому что я смогу купить нам новую квартиру, отправить Чинсопа в университет, погасить долги по налогам и коммунальным платежам и обеспечить частные уроки для дочери. Благодостные семьдесят миллионов вон осчастливят всех, если я усмирю свою презренную гордость, движимую чувством вины.

– Вы серьезно отдадите мне слиток золота?

Пак Тхэсан ласково кивнул. Я была в слишком жалкой ситуации, чтобы благородно внимать голосу разума или совети. Я представила, как буду растить детей, перебиваясь случайными заработками, как они станут учиться в никудышных институтах, потом мыкаться всю жизнь и в старости хвататься за малооплачиваемые подработки, подобно мне.

– Хорошо, я стану убийцей! Ради семидесяти миллионов вон.

Пак Тхэсан улыбнулся. Вслед за ним хихикнул парень, стоявший сбоку от директора. Смеялись они не надо мной. Смех помогал им справиться с ситуацией, и в этом мы с ними совпадали.

– Вместо «убийца» мы, как правило, говорим «помощник».

В этом не было ничего смешного, но я криво улыбнулась, подражая им. Все мы одного поля ягоды.

– Я так понимаю, вы беретесь за работу. Что касается орудия, то вам лучше использовать свой обычный нож. И оде-

вайтесь, чтобы вам было так же удобно, как сейчас. Никто не должен заподозрить в вас убийцу, госпожа Сим. Я заеду за вами завтра в семь утра по адресу, который вы указали в резюме. Думаю, нам нужно устроить однодневную тренировку. А, и вот немного денег на необходимые расходы для начала.

Пак Тхэсан открыл сейф и положил в конверт несколько купюр по пятьдесят тысяч вон. Прежде чем я успела возразить, конверт упал в мою сумку. Ножи глухо звякнули, напоминая о своем присутствии. Эта сумма равнялась цене чьей-то жизни. На выходе я красноречивым взглядом ответила на лукавую улыбку и воинское приветствие охранника и отвернулась, даже не пытаясь скрыть разочарование от визита сюда.

Солнце все еще припекало. Стоило мне открыть дверь и войти в квартиру площадью пятьдесят квадратных метров, в качестве залога за которую я отдала тридцать миллионов вон и еще ежемесячно платила по триста тысяч, у меня подкосились ноги. Допоздна я лежала в уличной одежде в гостиной, даже не подложив под голову подушку. Новости, крутившиеся по телевизору, отдавались звоном в ушах.

Где-то после десяти часов вечера вернулась Чина. Ее лицо осунулось от усталости.

– Мам, что у нас на ужин?

Я молча протерла стол и поставила на него еду. Плечи у Чины были очень узкие, возможно, потому, что ее плохо кормили в период активного роста. Я с грустью смотрела на

ее выпирающий седьмой позвонок.

– Чина, меня завтра вечером скорее всего не будет. Спра-
вишься?

Чина ела, не отрывая глаз от списка заучиваемых слов.

– Что-то случилось?

Я положила ей в ложку еще один кусок горбуши и отве-
тила:

– В лавке очень много дел.

– Ну и что? Тебе там ночевать теперь, что ли? Или у тебя
кто-то появился?

Чина умная. Она знает, что супермаркет закрывается в
одиннадцать, так что причин проводить ночь вне дома у ме-
ня нет.

– Да кто у меня появится? Не говори ерунды! Просто под-
вернулась подработка, малышка. Организация питания на
похоронах. Я поглажу тебе три блузки и повешу в шкаф. На-
день чистое в школу.

Я вздохнула и взглянула на дочь. Чина кивнула. Домой
как раз вернулся Чинсоп, он сел за стол:

– Мам, я сразу спать. Ты мне много не накладывай.

– На работе был тяжелый день?

Чинсоп выглядел измученным. Он решил сам оплатить
обучение в университете и теперь разрывался между рабо-
той в службе доставки и круглосуточном магазине.

– Просто не выспался.

Чинсоп пошел в отца: с добрыми глазами, худощавый, по-

чти равнодушный к еде. Даже за ужином он поднимал палочки лишь пару раз, чтобы перехватить что-то из салатов.

– Если тебе так трудно, увольняйся. Я что-нибудь придумаю.

– Не волнуйся. Я еще успеваю подать заявление на восстановление. Когда получу зарплату, сам разберусь, что делать.

Губы Чинсопа потрескались. Отросшие волосы, намокавшие от пота и высохавшие по несколько раз за день, прилипли к шее. От концентрации обезболивающего спрея, которым пропах сын, у меня заслезились глаза.

Когда дети легли спать, я принялась упаковывать вещи: старый спортивный костюм, впитывающие трусы, носки, расческа, пробники косметики, зубная паста и щетка, галеты для экстренного перекуса, салфетка для очков, зарядка для телефона, таблетки для снижения холестерина и другие мелочи. Обычно я засыпаю, едва голова коснется подушки, но сегодня мне удалось ненадолго задремать только под утро, когда Чинсоп уже собирался на работу. Проводив Чину в школу и несколько раз проверив, что перекрыла газовый кран, я вышла из дому. Как только я с сумкой в руках оказалась внизу, мне коротко посигналила серебристая машина.

– Ой, давно ждете?

На часах было только семь, но мужчины, похоже, спешили.

– Нет, только приехали.

За рулем сидел Пак Тхэсан. Сзади, лежа на боку, спал вче-

рашний парень из офиса. Устроившись на переднем сиденье, я положила сумку в ноги. Впервые после смерти мужа я ехала в машине. Пак Тхэсан был хорошим водителем. Он спокойно выехал из тесного района. Сидя в автомобиле, который чинно двигался по своей полосе, никому не сигнализировал и никого не подрезал, я подумала: наверняка Пак Тхэсан, как мой муж, много лет назад попал в ужасную аварию, однако ему посчастливилось уцелеть, и теперь он живет с непреклонным желанием доказать что-то этому миру.

Вскоре мы приехали в деревню Янпхён и остановились около сдаваемого внаем коттеджа с большим двором.

– Выходите, пожалуйста. Давайте я понесу сумку.

Пусть я и немолода, но от мысли, что окажусь в доме наедине с мужчинами, мне было неловко. Тем не менее они обращались со мной как с мамой или старшей сестрой, не позволяя себе вольностей ни словом, ни делом.

Не успели мы распаковаться, как Пак Тхэсан достал из багажника подушку размером с человека, прислонил ее к стене и принялся учить меня, как распороть живот одним движением руки.

– Дорогая Ынок, человек отличается от коровы или свиньи. Некоторые думают, что убийцами становятся только болваны с темным прошлым, но это далеко не так. Убийца – это несертифицированный врач. Когда я учился искусству ножевого боя, то начал с изучения анатомии. Но поскольку вы уже знаете базу, я сразу перейду к сути.

Хотя Пак Тхэсан казался тучным, он, немного переведя дух, с невозмутимым лицом вынул нож и проворно вспорол брюхо огромной подушки. Остро заточенный нож взрезал синтетическую ткань с изображенными на ней крупными звездами. Директор сделал это с такой легкостью, будто окунул руку в воду или пустил по ветру мыльные пузыри. Подушка некоторое время оставалась неподвижной, Пак Тхэсан же развернулся и ушел на кухню. Как только он скрылся из виду, подушка повалилась вперед, извергнув белые ватные внутренности. По словам Чунги, Пак Тхэсан настолько искусно владеет ножом, что его даже звали на работу в Японию.

– Это не то же самое, что освежка!

Так между собой мы, мясники, иногда называли разделывание туши. Прделанное Пак Тхэсаном сильно отличалось от того, чему учил меня господин Лим из Мачжандона. Когда набьешь руку, то разделываешь мертвое животное на части в соответствии с их назначением чисто автоматически. По необходимости мы меняли ножи, а если работы скапливалось слишком много, то звали младших коллег по цеху, чтобы снять пленку с мышц или разрезать сухожилия. Но убийца действует один с начала и до конца. Ему не поменять нож посреди процесса и не попросить коллег подсобить, если вдруг почувствует, что сам не справляется. У убийцы есть только один шанс, и в случае провала он труп.

Я смотрела на Пак Тхэсана со смесью благоговения и ужа-

са. Видимо, заметив это, он добродушно рассмеялся:

– Я тут кое-чего прикупил. Давайте поедем, а потом закончим с занятием.

Вместе мы приготовили обед. Чунги промыл рис, Пак Тхэсан запарил пророщенные соевые бобы. Я развела соевую пасту водой, чтобы приготовить бульон, добавила в него шпинат и запаренные ростки для смягчения вкуса. Сварила суп из кимчхи со свиной, замариновала лук с огурцом в кисло-сладком соусе и потушила говядину с пророщенным машем. Кастрюля супа, в которой поочередно орудовали три ложки, быстро опустела. Никто из нас троих не употреблял алкоголь и не курил, зато в тот вечер под рассказы о подвигах Пак Тхэсана мы выпили литров пять апельсинового сока.

В ту ночь мне приснилось, что я стою без ножа в мясной лавке, полной покупателей, и не знаю, как выкрутиться. Три килограмма вырезки, килограмм двести граммов фарша, пять килограммов ребрышек – все это надо продать, а я не могу. Я топнула ногой, в ту же секунду тихо открылась дверь лавки, и вошел мой покойный муж. Он был молодым и здоровым, а не изможденным, как в последние годы жизни, – похож на нашего Чинсопа в его нынешнем возрасте. Супруг раздвинул толпу и подошел ко мне. В оцепенении я протянула к нему руки. Я хотела сказать ему «папочка наш», но не смогла произнести ни звука. Он понимающе улыбнулся, вынул что-то из кармана кофты и протянул мне. Это оказался очень маленький нож, примерно с палец длиной. Таким не

то что мясо, даже чокопай не разрежешь! Я взяла нож и от обиды закричала на мужа. Тогда нож в моей руке увеличился вдвое. Потрясенная, я крикнула еще раз. На этот раз нож стал размером с ладонь. Когда я собиралась крикнуть снова, надеясь, что нож достигнет подходящих для разделки мяса размеров, муж обратился ко мне: «Ынок, давай вместо мяса нарежем этим ножом фрукты. Мне не нравится запах мяса. Какой пример ты подаешь детям? Хватит уже разделявать туши».

Я так разозлилась, что подскочила в постели. Муж ни разу в жизни палец о палец не ударил, чтобы мне помочь, а теперь, когда я практически нашла способ обеспечить детям достойное будущее, он еще и недоволен? А уж спрашивать, какой пример я подаю детям, учитывая, что сам он безответственно сбежал на тот свет, словно пересел на другой автобус, и вовсе нелепо. От запрета мужа у меня только прибавилось решимости.

Весь день Пак Тхэсан объяснял мне, как зарезать человека, как подкрадываться, как отличать тех, кого я должна убить, от тех, кого убивать нельзя. Я тщательно записывала все в блокнот, который мне выдали в страховой компании, только использовала иные формулировки: так «заказчик» стал «клиентом», «цель убийства» превратилась в «мясо», само «убийство» обозначалось как «разрез», «заказное убийство» – «продажа», а «анализ данных» – «покупка», ну и так далее. Нельзя было допустить, чтобы дети, если вдруг

обнаружат блокнот, что-то заподозрили.

Моим первым заказчиком был одноглазый мужчина за шестьдесят, который носил толстую золотую цепь и кольцо с огромным янтарем. Едва зайдя в офис, он велел Чунги вместо кофе принести зеленый чай в бутылке и пачку сигарет «Эссе чейндж». Затем, пропустив мое приветствие мимо ушей, уселся на диван и широко расставил ноги. Его зрячий глаз был затуманен, как у моего покойного мужа.

– Это госпожа Сим Ынок, она займется вашим делом, – представил меня Пак Тхэсан.

Мне показалось, Одноглазый разочаровался, узнав, что нанятый им убийца – женщина, да к тому же нерасторопная и в возрасте. Как раз в этот момент вернулся Чунги с бутылкой зеленого чая и пачкой сигарет.

– У вас здесь молодежь киснет, а вы... – Одноглазый закурил, и Чунги быстро включил очиститель воздуха.

– Пожалуйста, доверьтесь мне. Все будет сделано безупречно. Для агентства «Смайл» это вопрос жизни и смерти.

Одноглазый глотнул чая и кивнул:

– Дело серьезное, назад не отыграешь. Оплошай вы, на кого наручники наденут?

Пак Тхэсан взял лист бумаги, что-то написал на нем и протянул Одноглазому:

– Послушайте, агентство «Смайл» лучшее, в том числе в вопросах сохранения чужих тайн. Чунги еще не готов никого убивать, а вот госпожа Сим – настоящий профессионал, она

уже давно в игре. Сим Ынок, возьмите, пожалуйста, нож.

Не раздумывая, я встала и взяла со стола нож. Как учил меня Пак Тхэсан, я приподняла его и сжала чуть ниже центра тяжести – так, будто собиралась всадить его жертве между ребер.

– Госпожа Сим может проникнуть куда угодно, не привлекая к себе внимания. Нет, ну сами посудите: как мужчина убьет хозяйку бани, если та целыми днями сидит в женском отделении?

Вот оно что! Одноглазый заказал хозяйку бани. По его словам, они прожили вместе тридцать три года, а теперь бывшая жена подговорила сына, и те потихоньку присваивают богатства Одноглазого и готовятся эмигрировать вместе с ее новым мужем. Честно говоря, я не считала, что своими действиями женщина заслужила смерть, но отказаться от первого же задания было нельзя. Одноглазый опустил веки и сдвинул густые брови. Ситуация его явно тревожила. Потом он вдруг сложил большой и указательный пальцы, показав знак «о'кей» и поднялся.

– Ладно, вы восстановите справедливость. Ну и что, если это сделает женщина? Только не подведите.

Мы втроем вздохнули с облегчением. Когда Одноглазый вышел, я задала мучивший меня вопрос:

– Что было в той записке?

Чунги подскочил ко мне и прошептал:

– Гарантия самоубийства. В случае обнаружения все со-

трудники агентства «Смайл» обязуются разом покончить с собой, не сходя с места... для сокрытия улики, так сказать.

Мои глаза стали размером с блюдце. Я взглянула на Пак Тхэсана. Он долго, несколько рассеянно, смотрел в окно вслед Одноглазому.

– Тот золотой слиток, кроме всего прочего, своего рода страхование вашей жизни. Если с вами что-то случится, его обязательно передадут вашей семье.

– Почему вы говорите мне это только сейчас? Я ни за что на свете не брошу своих детей! – вскинулась я на Пак Тхэсана, сдерживая подступившие слезы.

– Гарантия самоубийства распространяется только на штатных сотрудников агентства. А вы, госпожа Сим, у нас на фрилансе. Как можно заставить человека, работающего по договору найма и не имеющего даже базовых социальных гарантий, совершить самоубийство?

Пак Тхэсан выдавил зубную пасту на щетку и направился в сторону уборной. Впервые в жизни работать по контракту оказалось для меня выгоднее, чем быть в штате. Смутившись, я укрылась в маленьком подсобном помещении, чтобы не попадаться на глаза Чунги, который работал здесь на постоянной.

Я приступила к заданию и начала ежедневно наведываться в баню, принадлежавшую бывшей жене Одноглазого. Это место только называлось баней, но на деле оно ничем не отличалось от спа-комплекса. Размером со стадион, она вме-

щала около дюжины разных помещений, где можно помыться и попариться, а также снежную комнату, кварцевую сауну и ванну с минеральной водой с добавлением германия. На крыше же, прямо под открытым небом, располагался бассейн. Я сразу узнала женщину, сидевшую за стойкой в женском отделении. Ее лицо я видела на фотографии, которую показывал Одноглазый. Ее звали Юн Хичжа.

– Надо же, а я думала, это татуаж. Брови у вас на миллион! – подошла я к стойке, рассыпавшись в комплиментах густым бровям хозяйки.

Мои слова пришлись по душе полной Юн Хичже, делавшей себе маникюр.

– Ой, да это не татуаж, а полуперманентный макияж. Кажется, никто про него не знает. Не хотите тоже сделать? Наш мастер по коррекции бровей шелковой нитью хорошо его освоила в районе Нонхёндон.

Хичжа посмотрела на свои брови в карманное зеркальце и расплылась в довольной улыбке. Я похвалила миндалевидную форму ее ногтей, подтянутую шею, потрясающую деловую хватку, не забывая при этом пожаловаться на свое незавидное положение и преждевременное старение, сказавшееся на внешности. Глаза Хичжи горели – она чувствовала свое превосходство надо мной.

– Ладно, я пойду. Скоро дочка вернется из школы. Я тоже хочу сделать этот ваш полуперманентный макияж, или как он там называется. Вы, пожалуйста, познакомьте меня зав-

тра с вашим мастером. – Попрощавшись с хозяйкой, которая явно была не прочь поболтать еще, я вышла на улицу.

На следующий день под руководством Хичжи мне сделали татуаж век, чего я, в общем-то, не хотела, и Хичжа угостила меня рисовым напитком сикхе с тыквой. Мы без умолку трещали о самых сексуальных парнях нашей эпохи: от Хён Пина и Кан Тонвона до участников BTS и На Хуна; а потом вместе пошли вздремнуть в кварцевую сауну. На следующий день я уже мяла ей спину, а через день, не зная, как еще подступиться, принесла ей свежее домашнее кимчхи. Примерно через месяц Хичжа начала звать меня сестричкой.

– Слушай, а ты здесь без выходных работаешь?

Мне следовало знать, когда Хичжа остается одна, но она, похоже, работала без продыху.

– Я отдыхаю ровно один день в году.

– Это когда же?

Хичжа хитро улыбнулась, втирая йогуртовую маску в лицо:

– Завтра.

– И что ж завтра за день такой, что ты готова закрыться при таком наплыве народа?

– Мой день рождения. Я позвала семью и друзей. Устроим небольшой праздник на крыше. Ты тоже приходи.

Наконец-то день икс назначен!

– Ну, у тебя там только близкие друзья да родственники будут. Я точно не помешаю?

– Ты же моя лучшая подружка! Конечно, приходи. Поведемся от души! Мы и мясо пожарим.

Я ласково помахала Хичже и вышла на улицу. На лбу выступил холодный пот, ноги стали как ватные. И речи не могло быть о том, чтобы ехать на метро. С трудом поймав такси, я отправилась в агентство. Однако стоило мне зайти в офис, силы окончательно покинули меня, и я тяжело плюхнулась на диван.

– Госпожа Сим, с вами все хорошо? – спросил поспешивший мне на помощь Пак Тхэсан.

Только после того, как я сделала глоток воды, а Чунги принялся растирать мне руки и ноги, я с трудом зашевелила губами.

– Сохраняйте спокойствие. Если будете придерживаться плана, с вами ничего не случится, – увещевал меня начальник.

А план у Пак Тхэсана был такой: оказавшись на празднике, я должна подождать, когда гости потихоньку начнут расходиться по домам, и сделать вид, что тоже ушла, но при этом спрятаться где-нибудь в опустевшем банном комплексе. Затем выйти из укрытия, когда Хичжа останется одна или спустится в туалет. Все, что нужно, – это воткнуть в нее заранее подготовленный нож, но если вдруг на месте окажутся свидетели или Хичжа не умрет сразу и раскричится, я должна позвонить Пак Тхэсану. Он заверил меня, что об остальном позаботится сам, но мне от этого становилось не легче.

Вернувшись домой, я так и не набралась смелости посмотреть детям в глаза, поэтому под предлогом плохого самочувствия ушла спать пораньше. Всю ночь мне снилось, как я уворачиваюсь от летящих со всех сторон ножей. Когда я проснулась и принялась заваривать кофе, руки безостановочно дрожали – видимо, от смутной тревоги, что сон предвещает мое дальнейшее будущее.

– Мам, ты теперь каждый день ходишь в баню. И татуаж себе сделала. Подозрительно это.

У дочери недавно начались каникулы, но она все так же каждый день ходила в школу. «Вот продам золотой слиток – куплю ей стейк рибай», – решила я и, растворяя нервозность в обжигающем кофе, ответила дочери:

– Так потому что я теперь работаю в бане. Сегодня буду поздно.

Я нашла старый комплект из юбки и блузки цвета слоновой кости, в котором ходила на все выпускные церемонии детей. Однако, побоявшись, что запачкаю его брызгами крови, переделалась в черное платье, а острозаточенный нож положила в сумочку из искусственной крокодиловой кожи.

Когда я зашла в автобус, следовавший в сторону бани, меня поприветствовал взглядом знакомый водитель. Невозможно кивнув в ответ, я села на свободное место и уставилась в окно. Рядом с автобусом ехала машина Пак Тхэсана. Почувствовав поддержку, я разом успокоилась.

На крыше комплекса группа людей жарила барбекю. Я по-

дошла к Хичже и практически вонзила в нее конверт, в котором лежали сто тысяч вон.

– Это еще зачем? Пришла бы просто так, тебе никто ни слова бы не сказал!

– Я не придумала, что тебе подарить. Тут денег-то на одну баночку не самой дорогой косметики.

Хичжа похвасталась подарком, театрально помахав конвертом перед гостями. Откуда-то появился сальный мужчина лет сорока и обнял Хичжу за плечи.

– Поздоровайся, милый! Это моя постоянная посетительница Сим Ёнок. Прекрасный человек и моя землячка.

Мужчина равнодушно кивнул мне.

– Мой жених. С виду олух, но владеет ИТ-бизнесом на Филиппинах. Неплохо зарабатывает, – прошептала мне на ухо Хичжа и возбужденно хихикнула. Она явно уже захмелела.

ИТ-бизнес, как бы не так! Наверняка какое-нибудь нелегальное онлайн-казино. Я медленно огляделась и заметила сына Хичжи. Двадцатилетний парень стоял, опершись на ограждение крыши, и равнодушно курил электронную сигарету. Разрез глаз был такой же, как у матери. Он не походил на коварного типа, потихоньку крадущего у слепнувшего отца акции, чтобы в итоге отжать его компанию. «В чем же виноваты дети, – спрашивала я себя, – если проблема почти всегда в родителях?»

Празднование прошло в привычном формате. Все в радостном возбуждении ели мясо, затем, разумеется, похватали микрофоны, от которых разносилось эхо по всей округе, поплескались в бассейне и спели старые хиты, известные всем наизусть. Тем временем некоторые перебравшие гости уже отправились по домам. Когда исчезла примерно половина из двадцати приглашенных, я тоже не спеша поднялась со своего места и сделала вид, что ухожу.

– Дорогая, все было очень вкусно! Я уже пойду.

Лицо Хичжи было красным как помидор. Она обняла меня и поцеловала в щеку.

– Давай завтра увидимся. Поедим с тобой малатхан, чтобы не страдать с похмелья.

Следуя плану, я подошла к обувной полке и взяла свои туфли. Потом спустилась на этаж ниже и спряталась в кварцевой сауне около туалета. Сверху гулко пульсировали громкие голоса и музыка. Я ждала, когда же закончится эта шумная вечеринка. В темноте завибрировал мобильник. Пак Тхэсан прислал сообщение в «Телеграме»: «Порядок?» – «Полный», – ответила я.

Только после одиннадцати все наконец разошлись. Сквозь матовое стекло я внимательно наблюдала за происходящим снаружи. Я видела, как Хичжа спускается с крыши.

– Дорогой, я в туалет, приberi пока посуду, – послышался приглушенный, уставший голос Хичжи.

Шлепанцы зашаркали по направлению к уборной. Это был мой единственный шанс. Я достала из сумочки нож. Даже в темноте лезвие синевато мерцало. Я попыталась сглотнуть, но во рту пересохло. Осторожно открыла дверь кварцевой сауны. Скрип петель отразился от стен пустого помещения.

– Кто здесь? – Уже схватившаяся за ручку двери в туалет Хичжа обернулась и пошла в мою сторону.

Я хотела закрыть глаза, но было слишком поздно. Взгляд Хичжи упал на нож, зажатый в моей руке.

– Ынок?! Ты что тут забыла?..

Пути назад не было, пришлось действовать по сценарию. Широкими шагами я подошла к Хичже и обняла ее, затем, закусив нижнюю губу, изо всех сил вонзила лезвие.

– Все-таки надо было жить по-людски, подруга.

Остро заточенный этим утром нож для срезания мяса с кости проник в небольшое уютное пространство между ребрами. Сейчас только он связывал нас. Как учил Пак Тхэсан, вонзив нож, я немного повернула рукоятку по часовой стрелке, и лезвие легко вышло наружу. У Хичжи подкосились ноги, она завалилась назад. Не имело смысла проверять – она была мертва. Мясник понимает это на уровне подсознания. Как внезапно однажды останавливаются стрелки часов, у которых полностью разрядилась батарейка, так же за-

мерло и сердце Хичжи. Я сунула нож в сумку и бросилась по лестнице вон из здания. На противоположной стороне улицы я увидела машину Пак Тхэсана с включенной аварийкой.

– Госпожа Сим!

Когда я кивнула – мол, дело сделано, – по лицу потекли слезы. Пак Тхэсан и Чунги отвели взгляд, глаза у обоих были на мокром месте.

Два дня спустя в газетах вышло известие о смерти Хичжи и краткая сводка о ходе расследования, но меня это практически не взволновало. У Хичжи не было моего номера телефона. К тому же мы только познакомились. Когда бы я успела затаить на нее обиду? Ее бывшего мужа, Одноглазого, допрашивали в полиции, но сотрудники и сотрудницы хостес-бара, завсегдатаем которого он был, подтвердили, что в момент смерти Хичжи он находился в заведении. В день, когда с Одноглазого сняли всякие подозрения, я положила в сумочку увесистый золотой слиток и очень рано ушла с работы.

Несколько лет назад, придя с похорон мужа, я сразу провалилась в сон, но посреди ночи очнулась. Я включила телевизор и случайно наткнулась на зарубежный фильм «Интервью с вампиром», как раз на сцену, где красивый мужчина, став вампиром, впервые смотрит на мир новым, нечеловеческим взглядом. И тут же затрепетали задремавшие в парке деревья, а застывшая статуя закатила глаза. Я разрыдалась. Сцена не была грустной или страшной – меня просто оше-

ломила мысль о том, что и мне, оставшейся одной с двумя детьми, отныне предстоит смотреть на мир совершенно иначе.

Я больше не обычная женщина, теперь я киллер. Мир глазами киллера вовсе не тихий парк, а дикие джунгли, в которых палящий зной сменяется проливным дождем; это огромный океан без единого маяка.

Сегодня я снова затачиваю свой нож. Не знаю, смогу ли я, как господин Лим из Мачжандона, без капли сожалений выбросить его в урну для переработки мусора, когда он износится окончательно и будет неотличим от лезвия бритвы. Ясно одно: день, когда мой нож сможет сбежать из ада, пропахшего животным жиром, наступит еще не скоро.

Пак Тхэсан

Я всегда хотел быть директором. В детских мечтах я сидел на вращающемся кресле, которое нежно поддерживало мою спину и шею, перед отполированной столешницей из красного дерева. Самое главное, что стать директором куда реальнее, нежели президентом или ученым, которые были частыми гостями в мечтах других детей, а при удачном раскладе можно зарабатывать намного больше и плотнее набивать свой живот. Короче, я хочу сказать, что сытость – первое необходимое условие, чтобы стать хорошим человеком. Значительное число преступников составляют недоедающие люди. На почве чувства неудовлетворенности прорастают семена зла. Семена зла иногда заносит и в карманы богачей, но им весьма непросто пустить там корни. У богачеев всегда есть несколько пальто, и, надев одно из них лишь разок, они сразу сдают его в химчистку, поэтому семенам зла не остается ничего иного, кроме как прорасти во влажных карманах бедных и голодных.

Я ненавидел бедняков. Особенно тех из них, кто совершал идиотские поступки. Как, например, мой сосед снизу Пёнсу,

который доверился своему приятелю и потерял все деньги. Не зная, куда податься, он собрал вещи и пропал в трущобах. Или Окхи, еще одна моя соседка, которую силой принудил к близости директор завода, где она работала. Съехавшись с ним после, она, как крольчиха, ежегодно приносила потомство и в итоге умерла совсем молодой. Пёнсу и Окхи были жалкие до невозможности. Я считал: если не можешь отомстить обидчику своими силами, найди того, кто отомстит за тебя, – хоть на край света ради этого отправься. Однако на подобное нужны деньги: неизвестно, где находится край света, но очевидно, что пешком туда не дойдешь. Тем более, чтобы перерезать горло или надрать задницу плохому парню, придется потратиться на транспортные и прочие расходы, а еще на нож или яд. Поэтому я и мечтал стать директором.

И я им стал. Достаточно взглянуть на мою визитку, чтобы рассеять все сомнения. Я основал детективное агентство, придумал ему название «Смайл» и повесил соответствующую табличку на третьем этаже старого здания на перекрестке с деревьями гинкго, которые осенью наполняют воздух воюнью гниющих плодов. Пусть у меня стол не из красного дерева, а всего лишь из ламинированной ДСП, но я каждый день прихожу на работу, напевая себе под нос. И первое, что делаю, оказавшись в офисе, – выдвигаю нижний ящик своего стола, засовываю в него руку и осторожно провожу ладонью по стенке. Чувствую холодный металл. Нож. Рукоятка и затупившееся лезвие крепко приклеены к стенке ящика скот-

чем, но нож все еще рвется наружу, отчего немеют кончики пальцев и замирает мое сердце. Он тупой и ржавый, им даже консервную банку не вскрыть, но каждый божий день я должен прикасаться к нему – только тогда я могу приступить к работе.

До того как стать директором, я был киллером. В Сеул я приехал юнцом, и похвастаться мог разве что умением работать ножом, которое перенял от отца, державшего рыбный ресторанчик на побережье. Формально не имея подходящего образования, я еле устроился в ресторан, где подавали хве¹. Там мне пришлось заново учиться всему: и правильно держать нож, и оглушать рыбу. Я был убежден, что упорный труд – лучший способ достичь мечты, ведь если я буду усердно работать, то однажды стану владельцем, а значит, и директором своего рыбного ресторана. Но затем я повстречал Сундок.

Сундок была единственной дочерью владельца нашего ресторана. Уродливую девушку знали все в этом районе. Сразу после рождения ей сделали операцию, чтобы исправить заячью губу, отчего сверху остался тонкий белый шрам. В первом классе Сундок перенесла тяжелую форму ветряной оспы, и ее лицо скукожилось, словно ребристая поверхность деревянного таза для промывки риса. После этого родите-

¹ *Хве* – тонко нарезанное филе сырой рыбы или мяса. В отличие от японского сашими, для приготовления хве обычно используется не красная, а белая рыба. Ломтики хве принято обмакивать в острый соус и есть, заворачивая в листья салата или периллы вместе с чесноком и перцем. – *Здесь и далее примеч. ред.*

ли как оголтелые стали копить деньги. Только богатство, как они считали, было способно уберечь их дочь от людских издевок.

Верные своему решению, они начали с рыбной лавки на окраине, затем выкупили ресторан хвѣ в центре города, а когда Сундок перешла в старшую школу, построили трехэтажный рыбный ресторан, который считался лучшим в районе. Именно он, «Дары Японского моря», и стал моим первым официальным местом работы. Но вопреки значению иероглифов в ее имени, Сундок не была ни доброй, ни порядочной. Ее вздернутый нос, будто пойманный на рыболовный крючок, обладал удивительным умением улавливать слабейший запах пищи. Она была настолько прожорлива, что не позволяла родителям съесть ни ломтика маринованной редьки, пока не попробует сама. На этом таланты Сундок заканчивались. Она была безнадежной в учебе, уборке или готовке, и казалось, всю ее жизнь можно описать лишь двумя словами: истеричность и обжорство.

Родители, понимая, что дальнейшее обучение дочери – пустая затѣя, посадили ее за стойку при входе в ресторан, как только она окончила старшую школу. Однако Сундок с шоколадным батончиком в руке днями напролет лишь гладела в телевизор, висевший напротив, и не проявляла интереса ни к ведению счетов, ни к продаже блюд. Даже когда гости, которых Сундок обсчитала, с криком требовали хозяина заведения, она все так же смотрела телевизор, заталкивая

в рот шоколадный батончик. Мать Сундок слишком поздно узнавала, что происходит, и к тому моменту, как она, вытирая руки о передник, подбегала к стойке, гости уже степенно удалялись в сторону парковки, положив перед Сундок лишь несколько банкнот. Остальную сумму они удерживали в качестве компенсации за моральный ущерб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.